

— Вот именно, ты еще говоришь, что Нянь Сяоми бесстыдник, а в чем он бесстыдник?

— Семья Янь Мо просто замечательная, они часто ездят в город, чтобы помочь нам с доставкой товаров!

— ...

Собравшиеся вокруг деревенские жители уже давно питали недовольство Янь-ши, и теперь, когда старейшина выступил вперед, они осмелели и начали тихо перечислять ее проступки.

— Брат Шубай, пусть другие ругают меня сколько угодно, но я не позволю, чтобы ругали второго брата. Он наш спаситель, — Юй Ху, всхлипывая, плакал так, что едва мог дышать, но в его черных глазах мелькала хитринка.

Нянь Сяоми не смог сдержать улыбки.

«Мой младший брат, твоя актерская игра просто на высшем уровне. В прошлой жизни я бы точно отправил тебя поступать в киношколу...»

Янь-ши, услышав, как все осуждают ее, потеряла лицо и, разозлившись, встала в позу и начала кричать:

— Вам всем жить надоело, да? Объединились, чтобы травить жену старосты? Вы все одного поля ягоды с Нянь Сяоми и его семьей! Кто еще осмелится вмешиваться, попробуйте только!

— Мама, хватит! Женщина, ведущая себя так грубо, позорит нашу семью Янь! — Янь Шубай, не выдержав, строго сказал.

— Сынок, как ты можешь защищать других? Я даже пальцем не тронула твоего младшего брата, а теперь его обижает какой-то выродок! Я не могу этого стерпеть! — Янь-ши, хоть и боялась своего образованного второго сына, все же смягчила тон.

— Дети всегда дерутся и ссорятся, зачем взрослым вмешиваться? Посмотри, во что превратился Маньтан! Если ты будешь продолжать его так воспитывать, он станет настоящим проклятием для нашей семьи! — с раздражением ответил Янь Шубай.

Янь-ши, немного поколебавшись, перестала шуметь.

Янь Шубай, взглянув на нее, успокоился и спросил Маньтана:

— Третий брат, это ты первый начал ругаться?

Маньтан опустил голову и, заикаясь, ответил:

— Я... я...

— Что «я»? Мужчина должен отвечать за свои поступки! — Хоть Янь Шубай и выглядел хрупким, в этот момент он проявил настоящую мужскую твердость.

Сяо Юн невольно посмотрел на него, немного ошеломленный. Раньше, когда Янь Шубай встречался с ним, его взгляд всегда был странным, но сам Сяо Юн никогда не обращал на него внимания.

Сегодня же этот белокожий ученый казался каким-то другим...

Слезы уже наворачивались на глаза Маньтана:

— Второй брат, я... я ругался.

— Тогда ты заслужил, чтобы тебя ударили. Запомни это хорошенько!

Янь Шубай повернулся к Юй Ху и мягко сказал:

— Юй Ху, не мог бы ты позвать твоего старшего брата Нянь Сяоми, чтобы мы могли лично извиниться перед вами?

Юй Ху еще не успел ответить, как Нянь Сяоми вышел вперед. Юй Ху поднял голову и сладко позвал:

— Второй брат!

Нянь Сяоми присел, ласково вытер лицо мальчика, затем встал и обратился к Янь Шубаю:

— Редко встретишь в вашей семье такого воспитанного человека. Извинения не нужны, просто надеюсь, что некоторые впредь будут следить за своими словами и не станут распространять грязь. Мы все живем в одной деревне, и я не хочу, чтобы между нами были разногласия.

Янь-ши, услышав колкости в словах Нянь Сяоми, хотела было возразить, но резкий взгляд Янь Шубая остановил ее.

Спектакль закончился, и деревенские жители постепенно разошлись. Янь-ши, злясь, топала ногами и злобно посмотрела на Нянь Сяоми, прежде чем неохотно позволить сыну увести ее домой.

Когда Янь Мо и сестрица Ланьхуа вернулись, Юй Ху с преувеличениями рассказал о произошедшем. Оба мужчины схватили мотыги и собирались идти к дому старосты, но Нянь Сяоми и Сяо Юн их остановили.

Узнав, что Юй Ху не пострадал, они решили не продолжать.

Однако позже сестрица Ланьхуа все же взяла Юй Ху и Нюню и отправилась к большому дереву на краю деревни. Взяв железный прут и поставив руки в боки, она начала кричать:

— Жители Деревни Заката, слушайте! Прошлые дела я оставляю в прошлом, но с сегодняшнего дня семья Нянь Сяоми находится под моей защитой! Кто осмелится их обижать, тот обижает меня, и тогда не пеняйте на мой железный прут! Конечно, если кто-то хочет дружить с нами, я рада, а если кто-то нас презирает, главное, чтобы не лезли ко мне, и мы будем жить в мире. Но если кто-то осмелится меня задеть, пусть попробуют!

На обратном пути Юй Ху с восхищением сказал:

— Сестрица Тедань, ты такая сильная!

— Малыш, как ты меня назвал? — Лицо сестрицы Ланьхуа исказилось.

— Сестрица Тедань! — Юй Ху поднял голову и заморгал большими глазами.

— Сестрица Тедань?! Боже мой! Как это ужасно звучит, зови меня сестрица Ланьхуа...

Через два дня Сяо Юн работал в поле один, когда внезапно подошел Янь Шубай. На этот раз он, вопреки своей обычной молчаливости, уверенно взял его за руку.

— Сяо Юн, ты, наверное, голоден после утренней работы. Вот, я принес из дома, — с этими словами он протянул завернутый в масляную бумагу куриный окорочок.

Сяо Юн поднял глаза и впервые вблизи увидел лицо Янь Шубая. Хоть он и выглядел хрупким, его черты были благородными, а нежные черты лица излучали некую легкость и красоту.

Янь Шубай в прошлом году сдал экзамены в академии и стал ученым. С тех пор он усердно изучал «Четыре книги и Пять канонов», готовясь к провинциальным экзаменам в августе.

Деревенские жители предсказывали ему успешную карьеру, и даже из соседних деревень приходили свататься, хотя ему было всего шестнадцать лет, но в древности это уже был возраст для сватовства.

Янь Шубай отказывался, ссылаясь на подготовку к экзаменам.

Те, кто не знал истинной причины, думали, что он полностью поглощен учебой, но на самом деле его сердце уже давно принадлежало одному человеку — Сяо Юну.

Однако Сяо Юн холодно оттолкнул куриный окорочок и ушел.

Он не хотел иметь ничего общего с семьей старосты, да и Янь Шубай, этот хрупкий ученый, был не по его вкусу.

Его привлекали более мужественные и грубые мужчины...

А через несколько дней случайный взгляд на одного из таких мужчин заставил его впервые почувствовать волнение, и он увидел смущающий эротический сон...

По предложению Нянь Сяоми, Янь Мо купил в городе двух маленьких поросят.

Теперь во дворе семьи Нянь стало еще веселее: куры бегают, собаки лают, кошки мяукают, а поросята хрюкают...

Янь Мо снова занялся строительством свинарника, и с помощью Сяо Юна и сестрицы Ланьхуа он был готов за один день.

Глядя, как пухленькие поросята толкаются у кормушки, Нянь Сяоми был в восторге.

Юй Ху, как всегда ответственный, сказал:

— Сейчас каждое утро я буду брать сестренку и ходить за свиной травой. У ручья ее много, она густая и недалеко от дома.

— Ты сможешь ее нести? — Янь Мо погладил его по голове.

— Он справится, он сильный. Если не сможет, позовет меня, я помогу, — вмешался Сяо Юн.

Какая дружная семья!

Нянь Сяоми, счастливо улыбаясь, перебирал соевые бобы. Грибницы уже выросли, и можно было начинать делать соевый соус.

Цыплята, увидев бобы, с любопытством подбежали и начали клевать. Нянь Сяоми махнул рукой, чтобы они ушли.

Курица теперь не обращала на них внимания и ушла гулять с петухом...

Дни текли спокойно и размеренно, хотя и без особых событий, но с теплотой и уютом.

Сегодня погода была необычной. С утра тучи сгустились на горизонте, и казалось, что вот-вот пойдет дождь.

Сяо Юн накинул плащ и отправился в поле ловить вьюнов. Весной и летом, после ливней, множество вьюнов выползали из разлившихся канав на поля, и их было легко поймать.

Нянь Сяоми тоже вышел во двор, чтобы собрать одежду. Во дворе сушилось много вещей: соленая рыба, мясо, сушеный бамбук и таро.

Только он закончил собирать, как небо потемнело, завыл ветер, и ворота начали скрипеть.

Он подошел к воротам и смотрел вдаль, ожидая возвращения Янь Мо. Тот уехал в город и еще не вернулся.

Дождь начался внезапно, крупные капли больно били по телу.

В дождевой мгле появилась крупная фигура, которая постепенно приближалась.

Нянь Сяоми широко раскрыл глаза и, когда человек подошел ближе, узнал сестрицу Ланьхуа.

— Сестра, что случилось? — Нянь Сяоми пригласил ее под навес.

Сестрица Ланьхуа сняла шляпу и с тревогой спросила:

— Янь Мо еще не вернулся?

— Нет, обычно он уже должен быть здесь.

Нянь Сяоми начал волноваться. Дождь становился все сильнее, дорога была скользкой, и он боялся, что ослик мог испугаться.

Сяо Юн вернулся с поля, неся деревянное ведро. Они с сестрицей Ланьхуа обсудили ситуацию и решили пойти на край деревни встретить Янь Мо, попросив Нянь Сяоми остаться дома.

Снаружи бушевал шторм, сверкали молнии, и Нянь Сяоми чувствовал, как сердце сжимается от тревоги. Каждая минута казалась вечностью.

Он представлял себе, как Янь Мо попадает под оползень или падает с телеги и ломает ногу...

Неизвестно, сколько времени прошло, но наконец он услышал знакомый крик ослика и с облегчением вздохнул.

— Дорогая!

Янь Мо спрыгнул с телеги, его одежда была мокрой, но Нянь Сяоми почувствовал сильный запах крови.

Он бросился вперед и увидел, что на штанах Янь Мо были пятна крови.

<http://bllate.org/book/16653/1525879>